DOI: 10.17976/jpps/2022.04.06

РОССИЯ И ИНДИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА

А.В. Куприянов

КУПРИЯНОВ Алексей Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, руководитель группы Южной Азии и региона Индийского океана Центра азиатско-тихоокеанских исследований, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук, Москва, email: a.kupriyanov@imemo.ru

Куприянов А.В. 2022. Россия и Индия: проблемы и перспективы сотрудничества. *Полис. Политические исследования*. № 4. С. 63-76. https://doi.org/10.17976/jpps/2022.04.06

Статья опубликована в рамках проекта "Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество" по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075-15-2020-783).

Статья поступила в редакцию: 27.07.2021. Принята к публикации: 25.03.2022

Аннотация. Настоящая статья посвящена анализу нынешнего состояния и перспектив отношений между Россией и Индией. Автор отмечает разницу в оценке со стороны ученых, указывающих на стагнацию двусторонних связей, и политиков, оценивающих их развитие позитивно. Специфика принятия внешнеполитических решений в Индии рассматривается посредством проблематизации исследовательской методологии. Отмечается, что определение внешнеполитического курса является прерогативой премьер-министра страны и что для этого курса характерна преемственность благодаря наличию надпартийного консенсуса. Но этот консенсус находится под угрозой из-за идущих в Индии процессов размывания элит. Тем не менее на нынешнем этапе для внешней политики Индии характерны определенные императивы, которые необходимо учитывать, анализируя двусторонние связи. Автор выделяет три основных группы причин ухудшения российско-индийских отношений. Они связаны с изменениями в экономической и внешнеполитической ситуации и проблемами формирования единого мирового политического дискурса, причем последний фактор является, по его мнению, главным. Система подготовки научных и экспертных кадров не смогла приспособиться к новым реалиям, а российские власти слишком поздно осознали необходимость развивать отношения с Индией и другими восточными странами. Аналогичная ситуация, хотя и по другим причинам, сложилась в Индии. В результате образовалась своего рода "дискурсивная слепота", при которой политические элиты обеих стран не понимают, зачем развивать отношения друг с другом, а экспертное сообщество обладает слишком малым весом для того, чтобы стимулировать этот процесс самостоятельно. Типичным примером является отношение к концепции Индо-Тихоокеанского региона (Indo-Pacific), который индийские элиты воспринимают как "естественный" конструкт, а российские элиты – как искусственно внедренный западный проект, призванный обосновать сдерживание Китая. Начавшаяся холодная война между США и КНР может усугубить эту проблему, хотя, по мнению автора, найти ее эффективное разрешение поможет, в конце концов, правильная стратегия, включающая постепенное развитие экономических связей, выработку собственной индо-тихоокеанской стратегии и поддержку отечественной индологии.

Ключевые слова: Индия, Россия, Индо-Тихоокеанский регион, холодная война, внешнеполитический дискурс, Китай, США.

Отношения Москвы и Нью-Дели – одни из наиболее стабильных и в то же время наиболее проблемных в системе двусторонних связей Старого Света. В политическом дискурсе обеих стран они окружены множеством мифов – как конструктивных, так и деструктивных. В научных кругах и СМИ России и Индии общим местом стало утверждение, что российско-индийские отношения находятся сейчас в состоянии упадка. Российские исследователи при этом акцентируют внимание на субъективных факторах (отсутствие интереса к развитию двусторонних отношений у правящих элит, взаимная нехватка специалистов-регионоведов), индийские – на объективных (изменение геоэкономической и геополитической ситуации). Соответственно различаются взгляды на пути преодоления кризиса: по мнению многих российских ученых, для этого необходима прежде всего политическая воля, по мнению индийских – так как кризис двусторонних отношений вызван объективными причинами, для его преодоления необходимы кардинальные изменения политической и экономической ситуации в мировом масштабе.

Пессимизм научных кругов, регулярно выплескивающийся на страницы прессы, контрастирует с официальными заявлениями об успешном развитии двустороннего партнерства. Еще в 2000 г. было подписано соглашение о стратегическом партнерстве между Россией и Индией, уровень которого позже был поднят до особо привилегированного стратегического партнерства, чтобы подчеркнуть его уникальный характер на фоне отношений России с остальными стратегическими партнерами. Москва поддерживает стремление Нью-Дели к членству в форуме Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества и Группе ядерных поставщиков, претензии на роль постоянного члена Совета Безопасности ООН; в 2017 г. Индия благодаря поддержке России стала членом ШОС; страны эффективно взаимодействуют как в двустороннем формате, так и в рамках международных институтов (ООН, G20, БРИКС). Российские и индийские военные участвуют в совместных учениях, а лидеры двух стран регулярно проводят личные встречи, неизменно указывая по их итогам на то, что отношения Москвы и Нью-Дели успешно развиваются, а их взгляды на будущее мировой системы совпадают. Украинский кризис лишь подчеркнул эту тенденцию: невзирая на давление со стороны западных партнеров, индийские элиты отказываются рвать отношения и вводить санкции против России.

В настоящей статье автор намерен объяснить этот парадокс. Первая ее часть посвящена вопросам специфики принятия политических решений в Индии и обусловленным этим проблемам методологии. Во второй части выделяются основные императивы индийской внешней политики и демонстрируется, как они влияют на индийскую политику на нынешнем этапе. Третья посвящена анализу причин снижения уровня экономических и политических отношений по сравнению с советскими временами; по мнению автора, они имеют как объективный, так и субъективный характер. В качестве примера рассматривается проблема концептуализации Индо-Тихоокеанского региона, демонстрирующая взаимное непонимание Москвой и Нью-Дели позиций друг друга. В четвертой части анализируется влияние на российско-индийские отношения американо-китайского противостояния, которое определяется рядом исследователей как новая холодная война, усугубляющая уже имеющиеся проблемы. Наконец, в заключении предлагается стратегия разрешения проанализированных противоречий.

Специфика принятия внешнеполитических решений в Индии и проблемы методологии

Для того чтобы анализировать факторы, влияющие на состояние российско-индийских отношений, необходимо учитывать механизм принятия внешнеполитических решений и в целом определения внешнего курса страны в Индии и России. Большое влияние личного фактора на внешнюю политику в новейшей истории России по контрасту с коллегиальным управлением советских времен очевидно; индийская традиция отчасти схожа с российской, но имеет ряд существенных отличий.

Принятие ключевых внешнеполитических решений в Индии относится к компетенции премьер-министра; фактически на этот процесс оказывает влияние так называемый ближний круг лидера, неформальный кабинет, куда входят люди, зачастую не занимающие официальных постов, имеющих отношение к внешней политике, но пользующиеся безусловным доверием премьер-министра. Существование такого кабинета – характерная часть индийской политической культуры. В этой системе многое зависит от личности премьер-министра: слабый лидер наподобие Манмохана Сингха находится под влиянием широкого круга советников, выходящего за рамки кабинета, сильный, наподобие Индиры Ганди или Нарендры Моди, сам принимает ключевые решения. При этом нередки случаи, когда даже сильный лидер временно делегирует часть полномочий близким соратникам, но при необходимости может действовать "через их голову". При этом обязательно учитывается позиция индийской буржуазии и среднего класса [Внешнеполитический процесс... 2011: 114].

Существуют факторы, способствующие сохранению преемственности во внешней политике независимо от личности премьер-министра. Первый – наличие профессиональной дипломатической службы, сформировавшейся еще в Британской Индии и имеющей определенный вес в политической системе. Хотя МИД Индии, как правило, возглавляет лояльный политический назначенец либо сам премьер-министр, его заместителем является секретарь МИДа – карьерный дипломат. Второй – наличие в Индии надпартийного консенсуса, который сложился благодаря специфике формирования индийских политических элит, выросших из узкого круга патриотически настроенной местной интеллигенции [Политические системы... 2006: 421-425]. Многие ее представители получили британское или англизированное образование, находились под влиянием британской политической и культурной традиции, выстраивая при этом свою идентичность на отрицании такой традиции, и были тесно связаны с местными бизнес-кругами [Kaviraj 2000: 147-149]. Сформировавшуюся в результате политическую элиту независимой Индии отличают семейственность, наличие сети неформальных контактов, определенная закрытость, но главное – общее понимание стоящих перед страной целей и задач. Это не означает, что внешнеполитическая повестка находится вне внутриполитического дискурса; но ее обсуждение сводится к критике неудачных решений властей, не затрагивая вопроса о необходимости реализации стратегических проектов как таковых. Люди, выбивающиеся в политическую элиту "из низов", чаще всего усваивают общепринятый набор взглядов.

В 1990-х годах добавился третий фактор, который до недавнего времени воспринимался исключительно как способствующий преемственности дискурса: экспертное сообщество. До того аналитические центры в Индии были

немногочисленны и действовали исключительно в интересах государственных министерств и ведомств. Либерализация общественной жизни, численный рост среднего класса, усиление влияния крупного бизнеса в 1990-х годах способствовали возникновению новых аналитических центров – как государственных, так и партийных, частных, существующих на деньги богатых бизнес-семей либо финансируемых НПО. Базой этого сообщества стали отставные военные и выходцы из спецслужб, а также выпускники ведущих индийских вузов, близко знакомые друг с другом. Эта узость изначальной базы способствовала тому, что индийское экспертное сообщество приобрело те же характерные мировоззренческие представления, что и политические элиты, которые оно обслуживает; в результате сформировалось двухуровневое дискурсивное поле, поддерживающее общий набор нарративов в рамках надпартийного консенсуса.

Наличие такого набора стабилизирующих факторов позволяет, на первый взгляд, анализировать индийскую внешнюю политику в рамках неореалистской парадигмы. Этому препятствуют два обстоятельства. Во-первых, индийские политические элиты зачастую принимают контринтуитивные и нелогичные с точки зрения западного наблюдателя решения, причем для индийцев, мыслящих в рамках сложившейся в процессе исторической эволюции стратегической культуры, они абсолютно логичны[1]. Во-вторых, политические элиты и экспертное сообщество Индии переживают процесс медленной, но неизбежной трансформации, проявляющейся, в частности, в идущей сейчас в Индии "битве за университеты" между правыми интеллектуалами и тяготеющими к леволиберальной повестке научными кругами [Biswas 2020] и в выдвижении на ведущие посты в правящей "Бхаратия Джаната парти" людей из провинции, принадлежащих к средним кастам и демонстративно дистанцирующихся от традиционных элит. Это – лишь вершина долговременного процесса: еще в 1987 г. известный советский журналист-индолог Л.В. Митрохин отмечал, что в Индии "параллельно наблюдаются два явления: набирает силу фундаментализм и углубляется национальное сознание масс" [Митрохин 1987: 384]. Сейчас два этих явления слились воедино, и есть основания полагать, что в обозримом будущем закрытость элит и стабильность дискурса будут нарушены.

Это вынуждает использовать для анализа комплексный подход, базой которого является ряд конструктивистских концепций; как следствие, автор использует конструктивистский понятийный аппарат, уделяя особое внимание проблеме формирования внешнеполитического дискурса и созданию в его рамках пространственных конструктов, служащих реализации потребностей Индии как актора международного сообщества, – как их понимают представители политической элиты. Для анализа ее интересов используется инструментарий критической теории и исторической социологии международных отношений, которая дает возможность проследить исторические корни тех или иных представлений, бытующих среди индийских элит, и истоки формирования сложившейся в Индии политической культуры. Именно в рамках этого подхода автор будет в дальнейшем анализировать важнейшие проблемы двусторонних отношений.

[1] В качестве примеров можно привести принципиальный отказ от аннексии Пакистана или его частей на всем протяжении существования независимой Индии; сближение с Китаем в разгар индийско-китайского стратегического противостояния; поддержка соседних мусульманских государств при усилении антиисламских настроений в самой Индии.

ИМПЕРАТИВЫ ИНДИЙСКИХ ЭЛИТ

Анализ российско-индийских отношений логично будет начать с определения основных императивов индийских политических элит, исходя из которых индийские политики рисуют образ предпочтительного будущего.

Характерные черты этих основных императивов следующие:

1. Болезненное внимание к вопросам суверенитета и к пограничным вопросам. Это характерно для всех современных азиатских государств, получивших независимость в середине XX в. и воспринявших европейские концепции в существовавшем тогда виде, что привело к стремлению стать во внешнеполитических вопросах бо́льшими европейцами, чем сами европейцы, копировать и подражать европейским практикам во всех аспектах, включая попытки создания собственных политических теорий [Wojczewski 2019; Alagappa 2011]. При этом европейские практики воспринимаются сквозь призму местных традиций, переводятся на понятный язык и встраиваются в общую систему представлений [Park 2017: 2-4].

2. Ощущение собственной центральности. Индия на протяжении тысячелетий являлась культурным и экономическим центром региона Южной Азии и Индийского океана. Эта ситуация не изменилась и в британские времена: вокруг Британского Раджа была выстроена субимперия в составе Британской империи, причем ее руководство исходило главным образом из соображений блага Индии, как оно его понимало, и неоднократно оспаривало решения, исходящие из Лондона [Metcalf 2007]. Это ощущение выражается, в частности, в стремлении рассматривать мир как мандалу, состоящую из расширяющихся концентрических кругов, в центре которых находится Индия. Такое видение сформировалось еще во времена правления Индиры Ганди (“соседние страны – страны третьего мира – сверхдержавы” [Singh 1976: 82]), а в начале XXI в. оно было переосмыслено в виде трех зон: “непосредственного соседства”, “расширенного соседства” и зоны, включающей остальной мир [Scott 2009; Лебедева 2018: 232-233].

3. Ощущение цикличности мирового процесса. Восточным культурам свойственно представление о повторяемости истории, смене периодов процветания и упадка. Это приводит к определенному фатализму, но, с другой стороны, дает основания для оптимизма, позволяя надеяться на возрождение и создавая ощущение бесконечности существования государства.

4. Повышенное внимание к экономической стороне международных отношений. Оно отчасти объясняется тем, что индийские политии в силу культурно-географических причин редко осуществляли политическую экспансию за пределы Индостана: основными инструментами экспансии индийской культуры и образа жизни, приведшей к образованию так называемой Индосферы, стали экономические контакты, проложившие дорогу для ее культурной и религиозной экспансии [Coedès 1968: 19-20]. Помимо этого, в годы британского владычества произошло возвышение торговых и финансовых джати, оказавших поддержку индийскому освободительному движению; впоследствии сформировавшиеся в их рамках крупные бизнес-кланы превратились в важных игроков, чьи интересы руководству Индии приходится учитывать при проведении как внутренней, так и внешней политики. В сумме эти факторы способствовали тому, что для индийских политических элит представление об экономике как о фундаменте могущества государства стало общепринятым.

Эти черты, в свою очередь, оказали непосредственное влияние на формирование следующих вторичных императивов:

1. Идея стратегической автономии. Индийские элиты воспринимают как нежелательный обязывающий союз с великими державами, ставящий интересы Индии в зависимость от интересов других стран. Это, в свою очередь, приводит к стремлению балансировать между крупными игроками и избегать формальных союзов; тем самым сохраняя возможность, в случае необходимости, внести определенные коррективы в политический курс [Monsonis 2010: 612-616].

2. Стремление добиваться признания Индии великой державой. Уверенность, что Индия после обретения независимости должна войти в круг ведущих мировых держав, где она когда-то пребывала, распространилась в индийских политических элитах еще в первой половине XX в. Она базировалась на представлении о том, что Британия эксплуатирует индийские богатства, и как только Индия станет свободной, эти богатства помогут ей занять подобающее место. Сразу после получения независимости премьер-министр Джавахарлал Неру публично декларировал возвращение Индии статуса великой державы в качестве одной из целей своей внешней политики, и индийские элиты поколение за поколением пытаются решить эту задачу при помощи разнообразных инструментов – от политических блоков (Движение неприсоединения) до географических конструктов (Индо-Тихоокеанский регион) [Sharma 1989: 324-325; Ciorciari 2011].

3. Представление об основополагающем характере двусторонних экономических отношений. Индийские элиты воспринимают политические связи, не имеющие экономического базиса, как неполноценные; напротив, государства с крупным товарооборотом обречены, в их представлении, на политическое сближение.

4. Устойчивая синофобия. Она существовала в индийской интеллектуальной среде еще в XIX – начале XX в., однако конфликт из-за пограничных территорий, поражение в войне с КНР и утрата Аксайчина привели к включению в индийский национальный миф представления о Китае как о враждебном, иррациональном и циничном соседе. Бурный экономический и политический рост КНР, результатом которого стало постепенное превращение Китая в сверхдержаву и вторжение в растущую индийскую сферу влияния, лишь увеличили градус этой синофобии.

Причины нынешних проблем

Как уже упоминалось выше, нынешнее состояние российско-индийских отношений заметно отличается в худшую сторону от отношений СССР и Индии в 1970-1980-х годах. Можно выделить три основных комплекса причин, из которых два первых можно назвать объективными (по крайней мере, в представлениях индийских политических элит), последний – субъективным.

1. Экономика

В 1980-е годы СССР был второй экономикой мира, причем специфика экономической модели позволяла советскому руководству сравнительно легко маневрировать ресурсами, прямо или косвенно помогая странам-клиентам и дружественным государствам. Индия была в их числе, и Советский Союз оказывал ей значительную помощь в индустриализации и продолжительное время целенаправленно поддерживал экономически [Юрлов, Юрлова 2010: 616-635]. При этом в экономических отношениях Москвы и Нью-Дели на всем их протяжении существовал невыгодный для СССР торговый дефицит; попытки справиться с ним предпринимались неоднократно, но окончательно решить проблему так и не удалось.

После распада СССР в 1991 г. Россия погрузилась в состояние экономического хаоса, из которого с большим трудом выбралась в начале 2000-х и сейчас занимает, по разным подсчетам, 11 либо 12 место по ВВП в мире; Индия же замыкает первую пятерку. Товарооборот между странами составляет около 10 млрд долл., его ежегодный рост лишь компенсирует долларовую инфляцию. Существующая рыночная экономическая модель не позволяет изменить структуру торговли; по сути, нынешние цифры товарооборота объективно отражают тот факт, что Индия и Россия, являясь развивающимися державами, мало что могут предложить друг другу. Потребности России и Индии в промышленных товарах удовлетворяют Китай и страны Юго-Восточной Азии; существующий индийский потенциал в сфере услуг не востребован российской экономикой. Ситуацию осложняет отсутствие транспортных коридоров, которые способствовали бы некоторому увеличению объемов торговли за счет уменьшения транспортных издержек. Как следствие, индийские элиты рассматривают отношения с Россией, не имеющие мощного экономического базиса, как неполноценные.

2. Внешняя политика

В годы холодной войны партнерство Индии и СССР в значительной степени строилось на общих страхах в отношении Китая, который с 1962 г. являлся соперником Индии, а с 1969 г. – СССР [Лунёв 2017: 37]. К тому же Москве, ведущей холодную войну, была объективно выгодна позиция дружественного нейтралитета, которую занимали страны Движения неприсоединения, и, как следствие, укрепление отношений с Индией как одним из лидеров этого Движения.

После поражения СССР в холодной войне Россия отказалась от претензий на роль сверхдержавы и перестала нуждаться в поддержке Движения неприсоединения, которое само оказалось в глубоком кризисе. Москва благополучно урегулировала территориальный вопрос с Пекином, и российская политическая элита больше не воспринимает его как угрозу.

С Индией ситуация сложилась с точностью до наоборот: ее политические элиты и экспертное сообщество сосредоточились на обосновании формирования сферы влияния в Южной Азии и регионе Индийского океана, чему способствовал взрывной рост индийской экономики после реформ Нарасимхи Рао. Это увеличение мощи и амбиций совпало с аналогичным ростом экономического могущества КНР, и в силу исторического понимания базового вектора экспансии интересы Пекина и Нью-Дели столкнулись в регионе Индийского и Тихого океанов и в Юго-Восточной Азии. Это, в свою очередь, привело к закономерному росту синофобии в индийских политических кругах; Индия, уступающая Китаю по объему экономики и военному потенциалу, вынуждена искать новые концептуальные формы и новых союзников. Зримым результатом этого стало формирование *Quad*, куда, помимо Индии, вошли Япония, Австралия и США, элиты которых обеспокоены ростом китайских амбиций. Россия, демонстративно укрепляющая отношения с КНР, служит в рамках этой логики одним из второстепенных центров силы, позволяющим балансировать внешнеполитический курс Нью-Дели, но не ключевым союзником.

3. Экспертный и внешнеполитический дискурс

Советские профильные вузы выпускали сравнительно небольшое число специалистов-востоковедов, включая индологов; в условиях политико-

экономической системы, существовавшей в СССР, этого числа хватало для того, чтобы закрыть потребности министерств и ведомств, осуществлявших внешнеполитическую и внешнеэкономическую деятельность. Изменение системы управления, демократизация общественной жизни и либерализация экономики теоретически должны были привести к резкому росту запроса на регионоведов, включая востоковедов: от политических экспертов, которые формировали бы дискурсивное поле, до узких специалистов-экономистов, могущих дать экспертную оценку состояния иностранного рынка по запросу частной компании. Этого не произошло: так как политические и бизнес-элиты интересовались прежде всего развитием отношений с западными странами, система подготовки востоковедческих кадров осталась прежней, причем в связи с плачевной финансовой ситуацией в отечественной науке большинство перспективных выпускников уходили в частный бизнес или работали не по профилю. В результате после того, как Москва начала "поворот на восток", обнаружилась нехватка специалистов среднего возраста, которые теоретически должны были бы генерировать основную массу научного знания.

Схожая ситуация, хотя по другим причинам, сложилась в Индии. В 1990-е годы, когда формировалось индийское экспертное сообщество, Россия находилась в глубоком кризисе. Как следствие, индийская система подготовки специалистов, более ориентированная на бизнес-потребности и практическую деятельность, переключилась на англоязычные страны, в первую очередь на США. В результате, хотя общее отношение к России в индийском обществе остается позитивным, на условной географической карте индийского политического дискурса она занимает довольно незначительное место. Специалистов по России в индийском экспертном сообществе мало; большая часть индийских экспертов узнает о происходящих в России событиях по сообщениям западных СМИ, почти никто из них не знает русский язык и никто напрямую не заинтересован в развитии связей с Россией.

Эта ситуация является отражением более серьезной проблемы: отсутствия у политических элит обеих стран представления о том, каким образом необходимо развивать двусторонние отношения и зачем в принципе это нужно делать. Очевидно, что товарооборот между Россией и Индией в обозримом будущем не достигнет советского уровня и что Индия продолжит политику диверсификации закупок вооружений, одновременно расширяя собственное производство. Без урегулирования противоречий между Индией и Китаем, ради которого ни одна из сторон не готова жертвовать своими интересами, невозможно создание формата "Россия – Индия – Китай", о перспективности которого регулярно заявляют российские официальные лица; без снятия европейских и американских санкций и пересмотра отношения ЕС и США к российским внешнеполитическим императивам сложно представить сценарий, в котором бы Россия не становилась в той или иной форме союзником Китая. В результате нынешний уровень отношений воспринимается как максимально возможный в текущих условиях, а долговременная стагнация маскируется регулярной сверкой политических часов. Непонимание важности России для Индии и Индии для России оборачивается невниманием к чувствительным местам и болевым точкам в дискурсе партнера, что хорошо видно на примере восприятия концепции Индо-Тихоокеанского региона (ИТР) российскими элитами и контрреакции индийских элит.

ИТР КАК МОДЕЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

Термин “Индо-Тихоокеанский” (*Indo-Pacific*) был изобретен более полутора столетий назад британским антропологом Дж. Логаном; в начале XX в. его использовал Карл Хаусхофер, концептуализировавший Индо-Пацифику как геополитическое образование. После Второй мировой войны этот термин вышел из употребления, сохранившись лишь в локальных политических дискурсах. В 2007 г. концепция Индо-Пацифики была возрождена в Индии для того, чтобы обосновать формирование индийско-японской оси и расширение зоны индийского влияния к востоку, что подразумевает включение Индии в состав Азиатско-Тихоокеанского региона как одного из ключевых игроков [Khurana 2007; Das 2006]. Эта концепция была сразу же подхвачена японскими элитами (в частности, премьер-министр Синдзо Абэ провозгласил в своем выступлении на заседании парламента Индии идею “слияния двух океанов”) и заинтересовала интеллектуальные элиты других государств, включая Австралию и страны АСЕАН. Стоит отметить, что в политическом дискурсе США идея Индо-Пацифики появилась сравнительно поздно, после 2013 г., во время второго срока Барака Обамы, а окончательно она была концептуализирована лишь в 2019 г., когда администрация Трампа опубликовала “Индо-Тихоокеанскую стратегию”[2], нацеленную на сдерживание КНР.

Для индийских политических элит концепция ИТР является одним из столпов внешней политики и предметом законной гордости, будучи продуктом интеллектуальных усилий индийского экспертного сообщества. Российские же власти (в первую очередь МИД) неизменно рассматривают Индо-Пацифику в любом ее варианте сквозь призму соперничества с США и сотрудничества с КНР, не делая разницы между американским, японским, индийским, австралийским, индонезийским и европейским видением ИТР, что вызывает резкую реакцию индийских политиков и экспертов. Как и в общем случае индийско-российских отношений, три комплекса причин (в ином ракурсе уже рассмотренные выше) играют здесь решающую роль.

1. Экономическая проблема. Для Индии государства Индо-Тихоокеанского региона, поддерживающие идею Индо-Пацифики, являются ключевыми торговыми и финансовыми партнерами; суммарный же товарооборот России с ними уступает объему российско-китайской торговли. Ситуацию усугубляет то, что ряд стран, активно поддерживающих ИТР, ввели против России санкции; но основная проблема состоит в том, что у России в принципе отсутствуют сформулированные стратегически экономические интересы в регионе.

2. Политическая проблема. Если индийские элиты с подозрением относятся к Китаю, воспринимая любые его действия как угрозу, то для России, находящейся под постоянным давлением США и их союзников, КНР остается, по сути, безальтернативным стратегическим партнером в регионе Тихого океана. Сложилась ситуация, в которой Москва, фактически, смотрит на происходящее в ИТР сквозь призму своего соперничества с США, а Индия – сквозь призму соперничества с КНР.

3. Дискурсивная проблема. В России диалог об Индо-Пацифике и о роли Индии в ней в экспертно-аналитическом сообществе ведется внутри узкой

[2] В феврале 2022 г. администрация Дж. Байдена опубликовала новую версию стратегии: см. Indo-Pacific Strategy of the United States. https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/02/U.S.-Indo-Pacific-Strategy.pdf (accessed 12.05.2022).

группы, насчитывающей около 10-15 человек; в Индии вопросы об отношениях с Россией в рамках ИТР обсуждает примерно то же число экспертов. Если индийские органы власти проявляют заметный интерес к результатам этих дискуссий, стремясь "вписать" Россию как особо привилегированного стратегического партнера в рамки своего видения Индо-Пацифики, то экспертное сообщество России в принципе их игнорирует, не корректируя свою позицию даже тогда, когда она ведет к очевидным просчетам. Для российского МИДа Индо-Пацифика – непонятный и нежелательный конструкт, придуманный неизвестными американскими аналитиками и нацеленный на сдерживание КНР и России, и с этим подходом солидаризируется часть отечественных экспертов [Мосяков 2019: 265-270]. Индии в этой конструкции отведено место в принципе дружественного, но заблуждающегося игрока, который рано или поздно осознает ошибочность ставки на ИТР. Такой подход, являющийся продуктом дискурсивной слепоты, создает и будет создавать постоянные проблемы.

ХОЛОДНАЯ ВОЙНА: ПУТЬ К НОВОМУ МИРУ

Начавшаяся между КНР и США новая холодная война может как усугубить эти проблемы, так и способствовать их решению. И для России, и для Индии выбор партнеров на первой стадии этой войны ограничен: Москва очевидно будет склоняться в сторону Китая (по крайней мере, до тех пор, пока американские элиты увязывают "российский ревизионизм" с "китайским стремлением к гегемонии" и пытаются бороться с ними в комплексе), а неурегулированный территориальный спор Индии и Китая и общая синофобия индийских элит способствуют сближению Нью-Дели с Вашингтоном.

Это сближение рационализируется через потенциальные экономические и политические выгоды. Еще во время президентства Дональда Трампа США взяли курс на выстраивание производственных цепочек в обход КНР; в качестве одной из наиболее очевидных альтернатив Китаю в этих конструкциях рассматривалась Индия с ее большим количеством дешевой рабочей силы и англоговорящим населением. Включение в эти цепочки позволило бы индийской экономике в перспективе вернуться к докризисным темпам роста и сократить отставание от Китая, обеспечив тем самым базу для движения к получению статуса великой державы. Кроме того, сама по себе возможность дальнейшего сближения с США усиливает, с точки зрения индийского руководства, позиции Индии на переговорах с Китаем. Последовательная секьюритизация китайской проблемы вкупе с другими дискурсивными процессами, в результате которых сложилось нынешнее мировосприятие индийских политических элит и экспертного сообщества, привела к существенному сокращению пространства выбора для Нью-Дели.

При этом из поля зрения индийского экспертного сообщества выпадает ряд важных факторов:

1. Вопреки нередко звучащим в Индии заявлениям, соперничество Нью-Дели и Пекина не является экзистенциальным. Индия не угрожает существованию Китая, Китай – существованию Индии: эти цивилизации тысячелетиями жили друг с другом бок о бок, почти не конфликтуя; их нынешний пограничный спор и соперничество в Юго-Восточной Азии вызваны отказом от традиционных форм взаимодействия и переходом к практикам, характерным для территориальных государств западного образца, сформировавшихся в XIX-

XX вв. и продолжающих эволюционировать. Это позволяет утверждать, что актуальные проблемы носят временный характер и не урегулируются главным образом потому, что ни одна из сторон не заинтересована в этом до такой степени, чтобы пойти на серьезные уступки, согласившись установить линию границы по Линии фактического контроля и разграничить зоны влияния по Малаккскому проливу со взаимным признанием интересов в сфере безопасности внутри этих зон и в экономической сфере – вовне (подобный раздел зон влияния уже предлагался китайскими исследователями [Ju 2012: 110]). Наличие рядом оппонента, не представляющего экзистенциальной опасности и при этом достаточно сильного, позволяет оправдывать сохранение или повышение расходов на вооруженные силы и при необходимости использовать фактор внешней угрозы во внутриполитических дебатах.

2. Состояние холодной войны между США и Китаем не будет постоянным. Сама по себе холодная война как особая форма межгосударственного соперничества отличается динамичностью: периоды обострения, во время которых происходят локальные войны, сменяются периодами разрядки, один из которых с вероятностью завершит войну. Более того, для разных стран, участвующих в глобальном противостоянии, оно может осмысляться по-разному: для кого-то – как война, для других – как особая форма мирного сосуществования. Как следствие, цели, которые эти страны ставят перед собой, также различаются. Велик шанс, что эти цели будут реализовываться за счет интересов союзников.

3. Идеологическая борьба в рамках холодной войны является одним из инструментов достижения победы, что подразумевает известную идеологическую гибкость обеих сторон, приспосабливающих декларируемые принципы к практическим нуждам. В качестве примеров можно привести как модификации советской "пятичленки" в соответствии с реалиями азиатских и африканских обществ, так и работы американских историков и политологов, в разгар американо-китайского сближения отстаивающих теорию о неэкспансионистском характере китайской цивилизации, якобы не угрожающей, в отличие от СССР, западным ценностям. Показательно, что сейчас в отношении Индии американскими политиками и экспертами применяется схожий по сути конструкт, в рамках которого Индия как демократическая держава рассматривается в качестве естественного союзника США в борьбе с китайским гегемонизмом [Manuel 2011: 160]. Пример Китая демонстрирует, что при необходимости такая риторика с легкостью меняется на противоположную.

Эти факторы позволяют рассчитывать на то, что господствующие ныне в индийском политическом дискурсе идеи, – о "естественном сопернике" и "естественном союзнике" (КНР и США, соответственно), незыблемых демократических ценностях, на которых держится индо-американское стратегическое сотрудничество, – а также уверенность в бескорыстном характере этого сотрудничества с американской стороны сменятся в течение ближайших десятилетий на более реалистичные представления.

Рассчитывать на лучшее, готовиться к худшему

Представляется, что из трех перечисленных комплексов проблем основным остается дискурсивный: политические элиты обеих стран не воспринимают сотрудничество друг с другом как критически важное, а вес экспертного

сообщества, заинтересованного в развитии этого сотрудничества, слишком мал. Между тем ситуация, складывающаяся в мире, ставит перед Москвой задачу экстренной разработки долговременной стратегии, которая позволила бы преодолеть негативные тенденции и заложить базу для более углубленного сотрудничества в будущем.

Украинский кризис, начало специальной операции на Украине и введение санкций со стороны западных стран кардинально изменили российское положение в мировой политике и экономике. Россия оказалась отрезана от западных рынков, технологий и инвестиций. В этой ситуации укрепление отношений с Нью-Дели превращается в жизненно важную задачу: Индия, экономика которой глубоко интегрирована в западные производственные цепочки, должна стать для России важным транзитным узлом, через который российская экономика получит доступ к необходимым ресурсам стран Запада.

Учитывая важную роль, которую индийская сторона отводит экономике, разумно работать над развитием перспективных направлений двустороннего сотрудничества, отказавшись от попыток любой ценой обеспечить повышение товарооборота в ближайшие годы. Речь идет как об уже имеющихся направлениях взаимодействия (продажа оружия и технологий, совместное производство оружия; совместное строительство АЭС в третьих странах, сотрудничестве в освоении космоса), так и о новых ("синяя экономика", солнечная и ветровая энергетика). От России это потребует расширения номенклатуры высокотехнологичных товаров, предлагаемых южноазиатскому партнеру, что, в свою очередь, возможно только при серьезных вложениях в НИОКР, которые можно осуществить частично за счет индийских инвестиций. Необходимо продолжать развитие транспортных коридоров "Север – Юг", включая модернизацию внутренних водных путей страны, и "Ченнаи – Владивосток", привлекать индийские инвестиции в арктические и дальневосточные проекты. Ландшафт мировой политики непрерывно меняется под влиянием войн, революций, процессов технологической и социальной эволюции, и через несколько лет проект, казавшийся бесперспективным, может оказаться востребованным; наличие уже подготовленной для его реализации базы позволит воспользоваться благоприятным случаем.

Политически требуется проявлять большую гибкость, демонстрируя, что Россия не является и не собирается становиться младшим партнером и вассалом Китая. Для этого необходимо определить собственные интересы в Индо-Тихоокеанском регионе. До недавних пор Россия воздерживалась от активной политики в регионе Южной Азии и в АТР, поддерживая страны и блоки, которые считала наиболее для себя дружественными; это привело к тому, что Москва проводила пассивную линию, поддерживая чужие концепции и инициативы и не выдвигая свои. Для России 1990-х годов, когда страна находилась в состоянии глубокого экономического, политического и идеологического кризиса, такая стратегия подходила. Но сейчас, когда Россия миновала кризисный период, формирование своей стратегии развития ключевого геополитического региона мира – Индо-Тихоокеанского – и выдвижение на ее основе собственных инициатив становятся для нее жизненной необходимостью. Индийская сторона многократно заявляла, что рассматривает Россию как индо-тихоокеанскую державу; игнорировать это приглашение к сотрудничеству было бы опрометчиво.

Наконец, необходимо обеспечить сохранение и развитие отечественной индологической школы, нарастить подготовку специалистов по Индии и в то

же время карьерно и материально мотивировать нынешних выпускников профильных вузов, желающих посвятить себя работе на южноазиатском направлении в науке или на госслужбе. Но для этого политическим элитам потребуется сначала осознать, что если Россия планирует и дальше оставаться великой державой, влияющей на баланс сил в полицентричном мире, Нью-Дели должен стать ключевым союзником Москвы в XXI веке.

DOI: 10.17976/jpps/2022.04.06

RUSSIA AND INDIA: PROBLEMS AND PROSPECTS FOR COOPERATION

A.V. Kupriyanov[1]

[1] *Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia*

KUPRIYANOV, Alexey Vladimirovich, Cand. Sci. (Hist.), Head of Group on South Asia and Indian Ocean, Center for Asia Pacific Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, email: a.kupriyanov@imemo.ru

Kupriyanov, A.V. (2022). Russia and India: problems and prospects for cooperation. *Polis. Political Studies*, 4, 63-76. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2022.04.06

Acknowledgements. The article was prepared within the project "Post-crisis world order: challenges and technologies, competition and cooperation" supported by the grant from Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation program for research projects in priority areas of scientific and technological development (Agreement № 075-15-2020-783).

Received: 27.07.2021. Accepted: 25.03.2022

Abstract. The article is devoted to the analysis of the contemporary state and prospects of India-Russia relations. There is a disagreement between scientists and politicians: the former believe that relations are stagnating, the latter that they are developing successfully. The author examines the Indian way of conducting foreign policy through the prism of methodological problems: he notes that decision-making on external relations is the prerogative of the prime minister. A distinctive feature of India's foreign policy is its continuity, but the ongoing process of elite erosion is putting it at risk. Nevertheless, at this stage, India's foreign policy is characterized by certain imperatives. The author identifies three main reasons for the deterioration of Russian-Indian relations: changes in the economic and international situation and problems in the formation of the political discourse. The second factor is the most decisive. The Soviet system of training orientalists failed to adapt to new realities. A similar situation, albeit for different reasons, has developed in India. As a result, a kind of "discursive blindness" has emerged, in which the political elites of both countries do not understand the benefits of expanding relations with each other, and the expert community has too little weight to ensure this process on its own. A typical example is the attitude to the concept of the Indo-Pacific Region. The new Cold War between the United States and China may aggravate this problem. But the author believes that the correct strategy, including the gradual development of economic ties, the development of its own Indo-Pacific strategy and support for domestic Indology, could help to solve it in the end.

Keywords: India, Russia, Indo-Pacific, Cold War, Foreign Policy Discourse, China, USA.

References

Alagappa, M. (2011). International relations studies in Asia: distinctive trajectories. *International Relations of the Asia-Pacific*, 11(2), 193-230. https://doi.org/10.1093/irap/lcr007

Biswas, T. (2020). Pedagogical curricula and educational media: the malignancy of saffronised otherisation in India. *Zoon Politikon*, 11, 146-199. https://doi.org/10.4467/2543408XZOP.20.006.13008

Ciorciari, J.D. (2011). India's Approach to Great-Power Status. *The Fletcher Forum of World Affairs,* 35(1), 61-89.

Coedès, G. (1968). The indianized states of Southeast Asia. Honolulu: East-West Center Press. 403 p.

Das, P.S. (2006). Maritime violence in the Indian Ocean—Challenges and responses. In *Indo-Japan Dialogue on Ocean Security* (pp. 108-121). Ocean Policy Research Foundation. https://www.spf.org/en/_opri_media/publication/pdf/200703_061105_02.pdf

Ju, H. (2012). China's maritime power and strategy: history, national security and geopolitics. Singapore: World Scientific Publishing. 253 p.

Kaviraj, S. (2000). Modernity and politics in India. *Daedalus,* 129(1), 137-162. URL: https://www.amacad.org/sites/default/files/daedalus/downloads/Daedalus_Wi2000_Multiple-Modernities.pdf (accessed 12.05.2022).

Khurana, G.S. (2007). Security of sea lines: prospects for India—Japan cooperation. *Strategic Analysis,* 31(1), 139-153. https://doi.org/10.1080/09700160701355485

Manuel, A. (2011). A rising brand: India's emerging power, implications for South Asia and U.S. Policy. In N. Burns, J. Price (Ed.), *American Interests in South Asia: Building a Grand Strategy in Afghanistan, Pakistan, and India* (pp. 159-176). Washington, DC: The Aspen Institute. https://www.aspeninstitute.org/wp-content/uploads/2011/03/American-Interests-in-South-Asia.pdf

Metcalf, T.R. (2007). Imperial connections: India in the Indian Ocean arena, 1860-1920. Berkeley: University of California Press. 264 p.

Monsonis, G. (2010). India's strategic autonomy and rapprochement with the US. *Strategic Analysis,* 34(4), 611-624. https://doi.org/10.1080/09700161003802802

Park, S.-H. (2017). Sovereignty and status in East Asian international relations. Cambridge: Cambridge University Press. 212 p. https://doi.org/10.1017/9781316856420

Scott, D. (2009). India's "extended neighborhood" concept: power projection for a rising power. *India Review,* 8(2), 107-143. https://doi.org/10.1080/14736480902901038

Sharma, R. (1989). Nehru's world-view: an alternative to the superpowers' model of international relations. *India Quarterly,* 45(4), 324-332. https://doi.org/10.1177/097492848904500402

Singh, B. (1976). Indian foreign policy: an analysis. London: Asia Publishing House, 111 p.

Wojczewski, T. (2019). Identity and world order in India's post-Cold War foreign policy discourse. *Third World Quarterly,* 40(1), 180-198. https://doi.org/10.1080/01436597.2018.1552079

Yurlov, F.N., & Yurlova, E.S. (2010). Istoriya Indii: XX vek [History of India: XX century]. Moscow: Institute of Oriental Studies RAS. 920 p. (In Russ.)

Lebedeva, N.B. (2018). Indiiskii okean: vyzovy XXI v. i Indiya (ocherki mezhdunarodnykh otnoshenii) [Indian Ocean: challenges of the 21st century and India (essays on international relations)]. Moscow: Institute of Oriental Studies RAS. 576 p. (In Russ.)

Lounev, S.I. (2017) Soviet-Indian relations (1955-1971): the birth of a friendship. *MGIMO Review of International Relations,* 2, 24-51. (In Russ.) https://doi.org/10.24833/2071-8160-2017-2-53-24-51

Mitrokhin, L.V. (1987). Indiya: vstupaya v vek XXI [India: entering the 21st century]. Moscow: Politizdat. 477 p. (In Russ.)

Mosyakov, D.V. (2019). Global'naya transformatsiya Tikhookeanskoi Azii i Rossiya [Global transformation of Pacific Asia and Russia]. Moscow: White wind. 390 p. (In Russ.)

Strel'tsov, D.V. (Ed.) (2011). Vneshnepoliticheskii protsess v stranakh Vostoka [Foreign policy process in the countries of the East]. Moscow: Aspect Press. 336 p. (In Russ.)

Voskressenski, A.D. (Ed.). (2006). Politicheskie sistemy i politicheskie kul'tury Vostoka [Political systems and political cultures of the East]. Moscow: Vostok-Zapad. 687 p. (In Russ.)

Литература на русском языке

Внешнеполитический процесс в странах Востока. 2011. Под ред. Д.В. Стрельцова. М.: Аспект Пресс. 336 с.

Лебедева Н.Б. 2018. *Индийский океан: вызовы XXI в. и Индия (очерки международных отношений)*. М.: ИВ РАН. 576 с.

Лунёв С.И. 2017. Советско-индийские отношения (1955-1971 гг.): рождение дружбы. *Вестник МГИМО-Университета*. № 2. С. 24-51. https://doi.org/10.24833/2071-8160-2017-2-53-24-51

Митрохин Л.В. 1987. *Индия: вступая в век XXI*. М.: Политиздат. 477 с.

Мосяков Д.В. 2019. *Глобальная трансформация Тихоокеанской Азии и Россия*. М.: Белый ветер; Институт стран Востока. 390 с.

Политические системы и политические культуры Востока. 2006. Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Восток-Запад. 687 с.

Юрлов Ф.Н., Юрлова Е.С. 2010. *История Индии: XX век*. М.: ИВ РАН, 920 с.